

Торстейн Веблен, два типа поведенческих установок и русская традиционная экономическая культура

Верников А.В.¹, Курышева А.А.²

¹ Институт экономики РАН, г. Москва, e-mail: vernikov@inecon.ru

² Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, e-mail: vesta11@list.ru

Аннотация

Мы опираемся на институционализм Торстейна Веблена в своём анализе русской экономической культуры XIX века, прежде всего нормативного дискурса. Веблен описал разные типы побуждений, направляющих поведение людей, с точки зрения их связи с культурным и экономическим развитием общества. Поведенческие установки и принципы, которые Веблен считал продуктивными, способствующим благосостоянию в длительной перспективе, включают дальновидность, рачительность, умеренность, трудолюбие и т.д. Им противопоставляются непродуктивные установки, лежащие в основе церемониального поведения: расточительство, показные траты, праздность, своекорыстие и стяжательство, оценка вещей и людей по внешнему впечатлению. В научной литературе идеи и подходы Веблена оказались искажены. Например, есть тенденция считать любые традиционные установки лишь церемониальными, а передаваемые фольклором ценности отсталыми, архаичными и препятствующими инновациям. Наши результаты показывают, что нормативные элементы традиционной русской экономической культуры, отражаемые в народных пословицах и поговорках, соответствуют продуктивным практикам в вебленовском понимании (хотя реальная практика поведения людей могла быть и часто была иной). Таким образом, традиционное не эквивалентно церемониальному. Подходы, разработанные институциональной школой экономической мысли, сохраняют актуальность; при этом требуется непредвзятое внимательное изучение нестандартных для «западного» общества институций и институтов.

Ключевые слова: Торстейн Веблен; экономическая культура; социология потребления; традиционные ценности; анализ дискурса; институционализм; дихотомия Веблена; продуктивные поведенческие установки

1 Введение

Мы пытаемся взглянуть на отдельные русские традиции экономического и финансового поведения с точки зрения концепции Торстейна Веблена о разных типах поведенческих установок. Объектом изучения послужили элементы традиционного русского этоса, воплощённые в народных пословицах и поговорках, источником которых стал, в первую очередь, сборник В.И. Даля [Даль, 1862].

Теоретической основой послужили построения Веблена касательно побуждений, направляющих поведение людей, в контексте культурного и экономического развития общества, а также связанных с ними установок или принципов [Veblen, 1904; 1918; 1922; 1961; Веблен, 2022]. Веблен различал продуктивные установки, связанные с технологичным использованием предметов, и непродуктивные, ассоциируемые с церемониальным поведением. Концепция Веблена неоднократно интерпретировалась и «уточнялась» его последователями, начиная с Кларенса Эйрса, что исказило её

существенные моменты [Waller, 2022]. Для разграничения упомянутых поведенческих установок общепринятым стало теоретизировать о «церемониальных ценностях» и «инструментальных ценностях» [Bush, 1983], хотя у самого Веблена мы этих словосочетаний не встретили. Искажение переключалось из теоретических статей на данную тему в эмпирические исследования. Так, в некоторых работах о русских национальных традициях экономического поведения церемониальными предлагается считать те ценности, которые сам Веблен, вероятно, квалифицировал бы как продуктивные, и наоборот. Чтобы выяснить, что на самом деле писал Веблен, мы используем не только переводы, но и оригинальные тексты на английском языке, уделяя особое внимание исходной терминологии.

Исследовательской задачей этой статьи стало сопоставить поведенческие установки, вытекающие из русского народного дискурса, с концепцией Веблена по поводу различных типов побудительных мотивов, направляющих социально-экономическое поведение. Данное исследование вписано в нашу программу по изучению институциональных аспектов жизни человека в долг [Верников, Курышева, 2021; 2022; 2023]. Интерес представляют элементы этоса, которые помогли бы интерпретировать те или иные эмпирические проявления, лучше понять эволюцию экономического и финансового поведения населения нашей страны.

2 Концепция побудительных мотивов и институциональное устройство общества: дискурс Веблена

К продуктивным установкам Веблен относил бережливость, экономность, запасливость, трудолюбие, использование предметов по прямому назначению, умеренность в потреблении и тратах, предпочтение будущих благ перед нынешним потреблением, т.е. рачительное расходование ресурсов для блага сыновнего поколения, в целом заботу о других членах сообщества, а также человечества в целом. Противопоставлялись им непродуктивные, или церемониальные, установки: склонность к стяжательству, соревновательность в потреблении, расточительность и непредусмотрительность в тратах, бездумное обращение с имеющимися ресурсами, недальновидность касательно расчёта, распределения средств, жадность, лень, зависть, корыстолюбие и алчность, стремление выделиться за счёт других, денежное соперничество, себялюбие, эгоцентричность и самодовольство [Veblen, 1918; 1922; Веблен, 2022].

Новизна подхода Веблена к объяснению поведения, исследуемого экономической наукой, состояла в отказе от индивидуалистической психологии обособленно принимаемых решений в пользу социальной психологии [Gruchy, 1947, pp.58–62]. Это значило, что в центре анализа — связь принимаемых индивидом решений с существующей экономико-культурной схемой вещей, например, такой, как капиталистическая система. Отдельный человек рассматривался в контексте включённости

в капиталистическую культуру и воплощал собой сущность этой культуры. Веблен подчёркивал важность изучения множества сил, формирующих поведенческие схемы, и перенос акцент с части на целое, т.е. с эпизода в поведении индивида на всю его поведенческую модель. Он критиковал попытки обособить экономические явления и изъять их из культурного контекста [Jennings, Waller, 1994, p.1004].

В работе «Инстинкт мастерства и состояние промышленности» [Veblen, 1918] в явном виде сформулирована связь между институциональным устройством, включая привычки и обычаи, обусловленные материальной средой, и врожденными устойчивыми наклонностями, постоянными свойствами, присущими человеческой природе. Такие наклонности Веблен обозначает словом «инстинкт» (по его собственному признанию, заезженным) и отводит им значимую роль в объяснении уровня благосостояния и культурного развития общества [pp.2–3].

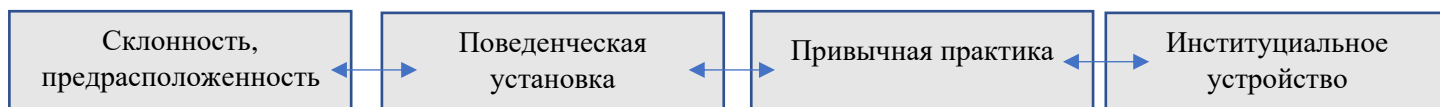
Современников Веблена, как и сегодняшних учёных, смущало слово «инстинкт». Отвечая на критику или предвосхищая её, Веблен операционализирует определение инстинкта как сознательного стремления к объективной цели, которая становится стоящей под действием рассматриваемого инстинкта [Veblen, 1918, p.5]. По выражению А. Гручи, под инстинктом у Веблена понимается устойчивая наследуемая склонность к особому способу поведения [Gruchy, 1947, p.62]. Каждый из инстинктов с той или иной категоричностью определяет цель усилий, предпринимаемых людьми [Veblen, 1918, p.3]. Набор инстинктов обеспечивает общий диапазон целей для предпринимаемых усилий.

Инстинкты обнаруживают себя не как отдельные обособленные дискретные элементы в психике, которые выявляются подобно физическим частицам в лабораторном эксперименте, а, скорее, проявляются в тех фиксированных паттернах поведения, которые показывают, что человек делает или как себя ведёт в силу укоренившихся привычек, с учётом особого характера цели, к которой ведёт та или иная склонность [Veblen, 1918, p.4; Gruchy, 1947, p.61]. Например, поиски склонности к стяжательству или накоплению благ в какой-то конкретной части физиологического или неврологического строения человека могут не дать результата.

Веблен использовал не только слово «инстинкт», но и другие термины: *instinctive proclivity / disposition* (инстинктивная склонность, предрасположенность), *prime mover in human behaviour* (первичная движущая сила человеческого поведения) [Veblen, 1918, p.1]; *persistent propensity of human nature* (постоянная склонность, присущая человеческой природе) [p.2], *native bias* (природная наклонность) [p.39], *hereditary trait* (наследуемый признак, наследственная черта) [p.13]; *bent* (склонность, направленность) [p.11]; *impulse* (побуждение, импульс, порыв) [pp.155, 172]; *sentiment* (настроения, настрой) [p.31]; *sense* (чувство) [p.27]. В нашем тексте мы, как правило, понимаем вебленовский

«инстинкт» как побуждение [Даль, 1863, с.XVII; 1881, с.44]¹, предрасположенность или склонность.

По Веблену, побуждения связаны с определёнными поведенческими установками и выражаются в том или ином поведении, социально-экономической деятельности — производительного (продуктивного, технологичного) характера либо непроизводительного (непродуктивного, церемониального). Из совокупности практик, основывающихся на тех или иных поведенческих установках, рождается институциональное устройство того или иного сообщества (рис.).

Рисунок. Связь между побуждением, поведенческой установкой, социальной практикой и институциональным устройством

Источник: построено авторами на основе [Veblen, 1904; 1918; 1922; Gruchy, 1947; Веблен, 2022]

Веблен приводит четыре примера предрасположенностей: родительство (*parental bent*), себялюбие (*self-regarding impulse*), склонность к полезному труду, развитию мастерства (*the instinct of workmanship, the sense of workmanship*) и досужее любопытство (*the instinct of idle curiosity*). Предрасположенность к родительству означает бескорыстную заботу о благополучии потомства, своей социальной группы и человечества в целом, что предполагает своего рода анти-эгоизм, умеренность в потреблении и тратах, рачительное расходование ресурсов, с тем чтобы сберечь их для сыновнего поколения. В широком смысле это означает, что ориентация на будущее и на воспроизводство сообщества приоритетнее текущего потребления и сиюминутных трат. Поэтому предрасположенность к родительству связывается с продуктивным, или производительным, поведением, прямо содействующим материальному благосостоянию сообщества [Veblen, 1918, p.25]. С родительской тесно связана склонность к труду, созиданию², развитию мастерства и занятию ремеслом, означающая, в сущности, эффективное использование ресурсов для достижения жизненно важных целей, которые, собственно, и определяются предрасположенностью к родительству. Инстинкт мастерства также характеризуется Вебленом как «склонность к достижениям» (*propensity for achievement*) [Veblen, 1922, p.33] или «расположенность к целенаправленной деятельности и неприятие тщетных усилий» [p.33]. Вместе с досужим любопытством, любознательностью и бескорыстным стремлением к новому знанию, содействующим росту технологического мастерства, эта склонность благоприятно воздействует на общественное развитие.

Институциональная эволюция определяется тем, в какой мере те или иные предрасположенности,

¹ «Инстинктъ до того дурно, что нельзя не пожелать замѣны его побудкою» [Даль, 1881, с.44].

² Веблен один раз использует словосочетание *proclivity to construction* синонимично склонности к развитию мастерства [Veblen, 1918, p.11]. По утверждению А.Гручи, такое определение первым дал этой склонности Уильям Джеймс [Gruchy, 1947, p.64, ft.54].

характеризующие человеческую природу, соотносятся с социальными практиками. Практики, основанные на перечисленных побуждениях, определяются как связанные с *технологичным*, т.е. продуктивным, полезным использованием вещей по прямому назначению (*technological use*) [Veblen, 1918, p.vii]. Обычай же, которые не предполагают такого полезного и эффективного использования, характеризуются как *церемониальные, обрядовые*. Таковой является своекорыстие — непроизводительная предрасположенность, основанная на себялюбии, самодовольстве, зависти, жадности, корысти, агрессии, желании прославиться, самовозвеличивании за счет других в стремлении что-то получить, ничего не давая взамен. Проявляется эта склонность в денежном соперничестве, влекущем расточительство и показное потребление, в примитивной погоне за выгодой, стяжании материальных благ.

Веблен непосредственно противопоставляет своекорыстие — предрасположенности к родительству [Veblen, 1918, pp.46–47], отмечая, что в реальном поведении разные склонности переплетаются. Ведь анти-расточительство тесно связано с использованием предметов с наибольшей эффективностью, что составляет содержание склонности к мастерству. Веблен считал отвратительно бесчеловечным со стороны нынешнего поколения умышленно усложнять жизнь следующему поколению. Речь идёт не только о недостаточном содержании и ненадлежащем обучении потомства, но и о недальновидном использовании ресурсного наследия и возможностей из-за жадности и лени. Дальновидность, предусмотрительность (*providence*) являются добродетелями в силу того, что направлены на заботу о потомстве [p.26]. Следовательно, предрасположенность к родительству в широком смысле предполагает одобрение экономии, разумного использования ресурсов для общего блага и неодобрение расточительной и бесполезной жизни. Иными словами, бережливость и эффективность являются непосредственным выражением родительской склонности. В то же время, такая разумная бережливость неотъемлемо присуща склонности к мастерству, которая и поддерживается в данном случае родительской заботой об общем благе [p.27].

Книга «Теория праздного класса: экономическое исследование институций» [Veblen, 1922] и очерк «Экономическая теория дамского платья» [Веблен, 2022] сосредоточены на эволюции обрядового, или церемониального, мотива денежного соперничества. Корыстные мотивы, связанные со стремлением выделиться на фоне других (соревновательность в потреблении, показное потребление и сопряжённые с ним непроизводительные расходы, расточительство), Веблен воспринимает как пагубные, препятствующие технологической эффективности, росту профессионализма и развитию общества [Veblen, 1918; 1922]. В работе «Теория делового предприятия» [Veblen, 1904] та же аргументация иллюстрирует негативные общественные последствия движущего бизнесменом стремления к наживе, погони за прибылью в ущерб развитию технологической эффективности. Демонстрация денежной состоятельности описывается как церемониальная практика [pp.583]. В капиталистической культуре,

основанной на частной собственности, инстинкт мастерства вырождается в денежное соперничество. Основным мотивом, которому подчинена деятельность, становятся деньги — *pecuniary dispensation*, а единственная подлинная цель работы сводится к накоплению богатства [Veblen, 1918, pp.173–174].

В работах Веблена встречается противопоставление и между другими парными категориями (табл.1). В основе каждой из таких дихотомий лежит разграничение между производительными (продуктивными) и непроизводительными (непродуктивными) установками и практиками.

Таблица 1

Парные категории в дискурсе Торстейна Веблена

<u>Категории, характеризующие</u>	
производительные установки и практики	непроизводительные установки и практики
институты, поощряющие производство	институты, поощряющие стяжательство
институты, служащие промышленной культуре	институты, служащие денежной культуре
институты, обслуживающие нехищнические/бескорыстные (<i>non-invidious</i>) экономические интересы	институты, обслуживающие хищнические/корыстные (<i>invidious</i>) экономические интересы
развитие мастерства	торговое дело
обычный человек	групповые интересы
интересы промышленности	интересы бизнеса
технологическое	Церемониальное
производственная деятельность	Собственность
материально-вещественные показатели работы	Доход
служение интересам сообщества	саботаж — подрыв интересов сообщества
занятость в промышленности	занятость в денежной сфере
технологическая эффективность	завистническая соревновательность
информация, обладающая ценностью	конкурентная реклама
эффективность производства (промышленности)	процветание бизнеса

Источник: составлено авторами на основе [Waller, 2022, p.23]

Некоторые представители институциональной мысли из числа современников и последователей Веблена пытались развивать эти идеи. В научной литературе разграничение аналитических категорий, описывающих разные типы практик и поведенческих установок или побуждений, направляющих взаимодействия людей, получило название «дихотомия Веблена». Изначальный замысел и отношение к описываемым явлениям оказались искажены [Waller, 2022]. Кларенс Эйрс скорректировал понимание институции и противопоставил ей технологию [Ayres, 1935, pp.26–27; 2021]. Вебленовское понятие инстинкта оказалось опущено, а риторика противопоставления сконцентрировалась на категориях «инструментальные ценности» и «церемониальные ценности» [Bush, 1983]. Взгляды Эйрса получили известность, и общепринятым стало выражение «дихотомия Веблена-Эйрса», хотя сам Эйрс

недвусмысленно дистанцировался в этом вопросе от Веблена [Ayres, 1935, pp.36–37]. В работах других авторов образовалась путаница в части понимания институций, технологии, церемониального и инструментального поведения. Подмена понятий привела к отождествлению институционального с церемониальным. У Эйрса и его последователей [Ayres, 1935; 2021; Bush, 1987] институции ограничены прошлым опытом, мифами, легендами, бесполезными для решения социальных проблем и устойчивыми до такой степени, что препятствуют «прогрессивным» изменениям. Технология же, независимо от последствий для общества, отождествляется с прогрессом [Waller, 2022].

В литературе по институциональной экономике постепенно развилась тенденция полагать по умолчанию, что традиционные формы фольклора транслируют церемониальные ценности [Bush, 1987, p.1079]. Нас эта тенденция насторожила, тем более что постсоветский «экспертный» дискурс был пронизан подобными рода сентенциями — о якобы несовершенном и ущербном «культурном коде» русского народа [Майминас, 2016] и довольно предвзято трактуемых «особенностях русского коммуникативного поведения» [Прохоров, Стернин, 2006]. Нам она показалась противоречащей интеллектуальной традиции институционализма. Ведь мифы, сказки, пословицы и поговорки обычно отражают не бессмысленные обряды, принимаемые на веру: они конструировались исторически для того, чтобы передавать из поколения в поколение *практичные* поведенческие схемы, способствующие выживанию сообщества [Berger, Luckman, 1991, pp.82–84, 112]. Веблен подчёркивал роль традиции для передачи знаний, связанных со склонностью к мастерству [Veblen, 1918, pp.38–39]. Он также считал, что «высшие достижения [прагматического знания ранних дней. – А.В., А.К.] сведены в систему указаний, содержащих поучительные призывы к бережливости, благоразумию, сдержанности, практическому управлению — свод правил целесообразного поведения» [Veblen, 1961, p.9].

Отражённые в фольклоре поведенческие установки можно подвергнуть интерпретативному анализу на предмет того, какой их тип преобладает: инструментальные (продуктивные) или церемониальные. Гипотеза такова, что бытовавшие в народном дискурсе убеждения окажутся, в парадигме Веблена, преимущественно продуктивными, а не церемониальными.

3 Приложение концепции Веблена к анализу русского фольклора

3.1 Мотивация и цель

Сторонники Веблена считают его дихотомическую концепцию основополагающей для институционального анализа [Bush, 1987, p.1078; Powell, 2023, p.423], поэтому в её невысокой востребованности в прикладных работах можно усмотреть исследовательский пробел [Waller, 2022]. Российские авторы тоже редко применяли дихотомию Веблена к конкретному эмпирическому материалу. Отмечается, что Веблен расценивал капиталистические институты как регрессивные, деструктивные с точки зрения влияния на экономическое развитие [Вольчик, 2008, с.54; Вольчик и др., 2023, с.38], однако без противопоставления им каких-то других институтов, собственно, и

составляющих дихотомию. С опорой на идеи Веблена обсуждался теоретический тезис о вреде показного потребления, в том числе в кредит, для социально-экономического развития [Оганесян, Шафиров, 2013].

Исследование отношения к долгам и жизни не по средствам в русских пословицах и поговорках показало, что стереотипные представления могут быть неточными. Нормативная этика ещё в середине XIX века поощряла самообеспечение и самоограничение в потреблении и тратах, включая личную ответственность, умение жить по средствам, оставаться в границах, опираться на свои силы. И наоборот, народный дискурс осуждал опережающее и вообще чрезмерное потребление, равно как и показное потребление и расточительство [Верников, Курышева, 2023].

Бывает так, что в процессе анализа эмпирического материала со ссылкой на Веблена смысл исходных понятий несколько смещается. В статье об институциональной истории Области Войска Донского институты, определявшие хозяйственный уклад казачьего сословия, охарактеризованы как архаичные, неэффективные, основанные на преимущественно церемониальных ценностях и тормозившие развитие и инновации [Maslov, Volchik, 2014]. В русской статье на похожую тему [Вольчик, 2007] ссылки на Веблена не было, поэтому мы не уверены, что правильно интерпретируем вывод авторов. Сам материал обеих статей позволяет предположить, что казаки отвергали не ремесленную деятельность или предпринимательство, а хищничество и торгашество в исполнении пришлых людей, причём подозрения относительно их недобросовестных, разрушительных деловых практик были вполне обоснованными.

Таким образом, недостаточно чёткое понимание дихотомии Веблена может повлиять и на гипотезы, и на результаты эмпирического исследования, ведя к дальнейшему укоренению и тиражированию исходного недоразумения. Поэтому в каждом случае надо внимательно разбираться, какие из поведенческих установок были церемониальными, а какие инструментальными и помогающими сохраниться и выжить данному сообществу.

Отсюда вытекает *цель* данной работы: взглянуть на русский этос, а именно на нормы и правила экономического и финансового поведения, с точки зрения концепции о разных типах поведенческих установок («дихотомии Веблена») и предложенных Вебленом аналитических категорий.

3.2 Объект изучения

Объектом изучения послужили нормативные элементы русской экономической культуры, воплощённые в народных пословицах и поговорках. Их источником стал, в первую очередь, сборник В.И.Даля [Даль, 1862]. Пословичный материал выбран нами потому, что эта часть народного наследия входит в состав институционального знания [Berger, Luckman, 1991, pp.82–84, 112]. По народным пословицам и поговоркам возможно, как считал Даль, сделать «общее заключение о духовной и

нравственной особенности народа, о житейских отношениях его» [Даль, 1862, с. XXXIV]. В свою очередь, по Веблену, духовная сторона общества, обобщающая характеристика его образа жизни, его отличительное свойство выражаются совокупностью действующих в данном обществе в тот или иной период институций [Veblen, 1922, p.190], т.е. обычаев, привычной практики и принятого в данном сообществе образа мысли и действия.

Мы исходим из понимания пословиц как материала, содержащего устойчивые представления о распространённых в то или иное время общественных практиках [Моисеева, Чудина, 2004]. Одобрение или осуждение определённого поведения может свидетельствовать о том, что такое поведение было распространённым, а мнение о нём — расхожим. Нас интересует знак оценки того или иного элемента экономического поведения. Вместе с тем, поступать люди могут совершенно не так, как учит пословица, ведь она даже не является законом, который тоже не всегда соблюдается. Поэтому соотношение между моралью из пословиц и реальной поведенческой практикой требует отдельного исследования.

Мы стремились идентифицировать группы поведенческих установок, отражающих распространённые взгляды на расходование — на личном уровне или уровне домохозяйства — денежных средств и других ресурсов, потребление, заимствование и предоставление займа, труд, богатство и бедность, их источники. Обобщить эти группы установок можно как нормативные принципы хозяйственной и трудовой деятельности. Охвачены изречения из следующих разделов словаря Даля: «Бережь — мотовство», «Богатство — убожество», «Горе — обида», «Гость — хлебосольство», «Двор — дом», «Дом — хозяйство», «Забота — опыт», «Зависть — жадность», «Займы», «Запас», «Много — мало», «Пища», «Пора — мера — спех», «Похвала — похвальба», «Работа — праздность», «Ремесло — снаряд», «Своё — чужое», «Смирение — гордость», «Соблазн — искушение», «Сосед — рубеж», «Счёт», «Тороватость — скупость», «Умеренность — жадность», «Щегольство» и некоторых других.

Хотя изречения, входящие в разделы, озаглавленные в экономическом ключе (напр., с отсылкой на бережливость, богатство, заём, мотовство, хозяйство), не всегда включали в себя экономические термины, их принадлежность к соответствующему разделу, проясняющая контекст использования в речи, не позволяет просто удалить их из выборки. Из разделов «неэкономического» характера (т.е. содержащих в названии термины, не относящиеся к экономической деятельности) отбирались строго изречения, соответствующие интересующим нас аспектам экономической направленности.

В выборку вошли 935 пословиц и поговорок. В это число включены 234 изречения о финансовом поведении из числа проанализированных ранее безотносительно антиномий Веблена [Верников, Курышева, 2023].

Часть суждений, заключённых в пословицах, по форме констатируют, подытоживают наблюдения о

явлениях и процессах народной жизни. Их примерно три четверти от общего числа. Изречения данного типа ценны тем, что дают представление о распространённости той или иной социальной практики, которую пословица как раз призвана осудить, иначе речь об этом просто не заходила бы. Другая часть изречений, скорее, предписывают и передают суждение о том, как следует или не следует поступать (в них обычно встречается глагол повелительного наклонения — «береги», «отдай», «оставляй», «покинь», «стереги»); таких в выборке 24%. Это, разумеется, не исключает элемента назидательности и в формально констатирующих суждениях. Наконец, небольшую часть изречений (менее 1%) нам не удалось классифицировать однозначно, так как они содержат и констатирующий, и предписывающий элемент.

3.3 Методика анализа

Для приложения концепции Веблена к культурологическому материалу нужно определить знак, с которым действует та или иная ценностная установка. Это отнюдь не технический, а содержательный вопрос. Некоторые исследователи произвольно, в силу собственных ценностных и этических установок, присваивали знак «плюс» либо «минус» влиянию конкретного параметра на темпы научно-технического прогресса или деловую активность или иную зависимую переменную. Смещение оценки неизбежно, если, например, высшим благом и самоцелью видится развитие капитализма или включение в «глобализацию» или финансовое развитие или рост иностранных инвестиций или ещё что-то подобное. Каким-либо образом мешающие этому ценности и институции любого традиционного сообщества, особенно не-европейского и аграрного, объявляются «церемониальными», что имплицитно придаёт им отрицательную коннотацию. И неважно, что эти же самые институции, если посмотреть на них с другой точки зрения, как раз способствуют сохранению и выживанию данного сообщества и всего этноса, в том числе развитию местного хозяйственного уклада и прогрессу производительных сил в данном регионе. Тем более, что исследования показывают: рыночная экономика успешнее развивается в странах, сохранивших свои традиции, ценностное и культурное своеобразие [Латова, 2022, с.111]. Институция может квалифицироваться в статьях как инструментальная применительно к одному обществу и как церемониальная — к другому. Верное следование традициям, культ предков, коллективизм, социальная пассивность, склонность к уравнительности и подобные особенности культуры считаются важными факторами экономического и технического успеха стран Восточной Азии, прежде всего Китая, но они же почему-то объявляются тормозом прогресса для посткоммунистических стран, прежде всего для России, в связи с чем ставится вопрос о «перекодировании», изменении социокультурных кодов целых народов.

Для того, чтобы соотнести выборку из русского фольклора с идеями Веблена, нам понадобилась операционализация смысловых категорий. Она была проведена следующим образом: из текстов работ Веблена взяты характеристики продуктивных и непродуктивных поведенческих установок, которые

были сгруппированы по четырём основным «предрасположенностям» (термин Веблена). Первые три из них (родительство, любознательность и созидательность) описывают производительные характеристики поведения, четвёртая (себялюбие) — непроизводительные. Затем близкие коды мы объединили в 11 смысловых категорий. Результаты приведены в **таблице 2**. Категории (четвёртый столбец таблицы) использованы для анализа русских пословиц и поговорок.

Таблица 2

Операционализация смысловых категорий: поведенческие установки согласно концепции Веблена

Предрасположенность	Поведенческие установки, принципы в текстах Веблена		Категория, используемая для группировки русских пословиц
	Англ.	Рус.	
<i>Продуктивные установки, содействующие благосостоянию общества и предполагающие технологичное использование предметов</i>			
Родительство	<i>community's future welfare; present wealth is desired mainly for its prospective advantage; future goods are preferred to present goods</i>	будущее благосостояние общества предпочтительнее сиюминутного потребления	
	<i>provision for posterity; practical working of the parental solicitude; tutelage of the incoming generation; filial generation is given the preference over the parental generation in all that touches their material welfare; kindly and unselfish tendance</i>	бескорыстная забота о благосостоянии сыновнего поколения; заботливое, бескорыстное обращение	забота о благосостоянии сыновнего поколения
	<i>parental solicitude in mankind</i>	забота о благе человечества	
	<i>providence; parsimony; thrift; hoarding; economy and efficiency for the common good; animus for economy and efficiency</i>	дальновидность, предусмотрительность, бережливость, экономность, рачительность, запасливость, умеренность, забота о неэгоистичное расходование, завтрашнем дне предотвращение пустой траты ресурсов	предусмотрительность, забота о
Досужее любопытство в части стремления к овладению полезным знанием — любознательность	<i>«pragmatic» knowledge; knowledge of a «pragmatic» character; learning of a «pragmatic» character; technological knowledge</i>	прагматичное знание; полезное, прикладное знание, обучение; знание техники (изготовления, производства)	ценность полезного знания, умения, навыка

Созидательность, производительный труд, развитие мастерства в профессии, ремесленничество	<i>diligence; productive effort; proclivity for taking pains; gain a livelihood by honest work through his own individual skill and enterprise</i>	трудолюбие, производительный труд; трудовые усилия как источник благосостояния; склонность брать на себя трудовую нагрузку ради получения результата; зарабатывать на жизнь честным трудом и своими способностями	трудолюбие, честный добросовестный труд, достижение мастерства
	<i>proficiency and technological mastery; craftsman working;</i>	развитие в профессии, мастерство; овладение ремеслом	
	<i>efficient use of the means at hand and adequate management of the resources available for the purposes of life; propensity unselfishly and impersonally to make the most of the material means at hand</i>	эффективное использование подручных средств и адекватное управление ресурсами, доступными для целей жизни; результативное использование имеющихся средств	
	<i>technological use; serviceability</i>	результативное использование; использование предметов по прямому назначению, функциональное свойство вещи служить своему непосредственному назначению, пригодность	рассудительность, рачительность в ведении хозяйства
	<i>non-invidious interest</i>	независтливый (бескорыстный) интерес	
	<i>prudence, equanimity; shrewd management</i>	благоразумие, сдержанность (рациональность); рассудительное-управление	

**Непродуктивные установки, препятствующие благосостоянию общества и лежащие в основе
церемониального поведения**

Себялюбие	<i>resource waste; wasting heritage of resources and opportunity; indolence; irksomeness of labour; wastefulness; wasteful and useless living; to make the way of life harder for the next generation through neglect of due provision for their subsistence</i>	пустая трата ресурсов и возможностей, отцовского наследия, транжиризм, мотовство; торопливость в потреблении; беспечность, лень, праздность; утомительность труда; отсутствие заботы о благосостоянии сыновнего	беспечность в тратах, недалновидность, жизнь не по средствам
-----------	--	---	--

	поколения; расточительство; бессмысленная жизнь; прожигание жизни	
<i>acquisition;</i> <i>aptitudes for acquisition;</i> <i>unearned gain</i>	стяжательство; незаработанная, незаслуженная прибыль	стяжательство, скарედность; алчность, жажда наживы, корыстолюбие
<i>self-aggrandisement;</i> <i>arrogance;</i> <i>self-complacency;</i> <i>self-abasement</i>	самовозвеличивание, самодовольство эгоизм	самодовольство, эгоцентричность
<i>self-seeking;</i> <i>naive pursuit of material</i> <i>efficiency;</i> <i>predatory or warlike exploit;</i> <i>native predatory animus;</i> <i>tact, effrontery and</i> <i>prevarication</i>	своекорыстие; примитивная погоня за материальным результатом; хищнические мотивы в поведении; изворотливость, наглость, уклончивость	хищнический мотив
<i>pecuniary emulation;</i> <i>invidious comparison;</i> <i>envy, jealousy, и их</i> <i>производные;</i> <i>improvident greed</i>	стремление выделиться за счёт других, самовозвеличивание; денежное соперничество; зависть, завистническое сопоставление; патологическая жадность	зависть и жадность
<i>ostentation;</i> <i>boast;</i> <i>conspicuous consumption;</i> <i>conspicuous waste;</i> <i>conspicuous wastefulness;</i> <i>conspicuously wasteful</i> <i>manner;</i> <i>living hand-to-mouth in order</i> <i>to keep up a decent</i> <i>appearance;</i> <i>conspicuously wasteful and</i> <i>tasteless show</i>	хвастовство; показное потребление, траты; жизнь впроголодь ради видимости благополучия; пустые траты в сочетании с безвкусицей	показной мотив

Источник: составлено авторами на основе [Veblen, 1904; 1918; 1922; 1961; Веблен, 2022]

При анализе мы воспользовались абдуктивным методом, предусматривающим поочерёдное движение от частного к общему и наоборот. Единицей нашего анализа является отдельное изречение (поговорка или пословица) целиком, а не обособленные слова или словосочетания в его составе и их буквальное значение. Это помогает учесть аллегоричность изречений и понять их скрытый смысл. На *первом* этапе мы попытались сопоставить выявленные нами прежде установки касательно жизни не по средствам, долгов, займов на цели личного потребления [Верников, Курышева, 2023] с поведенческими

принципами, о которых писал Веблен.

На *втором* этапе работы русские пословицы и поговорки из составленной нами выборки (см. пункт 3.2) были соотнесены со смысловыми категориями из **Таблицы 2**. Формулировки, употреблявшиеся Вебленом для описания каждой из четырёх предрасположенностей, использованы в качестве «живых» кодов (*in vivo coding*). В соответствии с образуемыми категориями шла группировка и перегруппировка пословиц. Трудность при классификации изречений состояла в частичном пересечении некоторых из них. Если изречение затрагивало одновременно и производительную, и непроизводительную поведенческую установку, т.е. свою противоположность, то мы помещали его в категорию производительных. Если же наблюдалось смысловое пересечение, т.е. пословицу можно было отнести сразу к двум склонностям, то пересматривалась группировка категорий, и в ряде случаев они укрупнялись. Каждое изречение оказалось в итоге включено только в одну категорию, без задвоения. В агрегированном виде изречения распределились по своей направленности следующим образом:

Себялюбие	468	(50.1%)
Мастерство	291	(31.1%)
Родительство	135	(14.4%)
Знание	41	(4.4%)
Всего	935	(100%)

Постоянная самопроверка в процессе отбора и анализа материала, переоценка смысла изречений, пересмотр категорий для их группировки позволила, надеемся, минимизировать смещения оценки.

4 Эмпирические результаты

Параграф 4.1 суммирует результаты первого этапа работы: наша выборка пословиц о жизни не по средствам и сопутствующих явлениях реклассифицирована с целью поиска соответствия между выявленными поведенческими установками, с одной стороны, и антиномиями Веблена, с другой. Параграф 4.2 отражает движение во встречном направлении: к каждому из теоретических концептов Веблена мы пытаемся подобрать подходящие по смыслу русские пословицы и поговорки. В подразделе 4.2.5 приведены изречения, не согласующиеся по знаку оценки с позицией Веблена.

4.1 Русские пословицы о жизни не по средствам и о показном потреблении в свете антиномий Веблена

В части пословиц о жизни по средствам и мешающих этому факторах мы обнаружили пересечение с тремя предрасположенностями, если пользоваться вебленовской терминологией, — родительством, мастерством и себялюбием. Установки, выражающее одобрение жизни по средствам и отстаивающие императив самообеспечения и самоограничения, мы отнесли к родительской предрасположенности,

поскольку их объединяет лейтмотив дальновидности, предусмотрительности, умеренности, заботы о завтрашнем дне и о будущем благополучии детей, прежде всего в части предотвращения перехода долгов на потомство. Это такие принципы, как осмотрительность в тратах (*Безъ нужды живетъ, кто деньги бережетъ*), скромность и умеренность в потреблении, предупреждение от излишеств, нетерпеливости, жадности (*Не столько сможетъ (надобится), сколько хочется*), необходимость расплатиться по имеющимся долгам (*Долгъ платежемъ красенъ, а займы отдачею*). Проявление склонности к родительству нам видится в предостережении займодателя о том, что долг портит отношения (*Съ кѣмъ знаться не хочешь, тому дай денегъ въ займы!*), и об унижительном положении займодавца, вынужденного всеми правдами искать способ вернуть одолженное (*Долги собирать — и ошурками брать; Растопыря пальцы отдалъ, растопыря ноги выхаживай!*). Сюда же относится предупреждение должника о том, что наличие долга — не только материальный, но и моральный гнѣт (*Въ долгъ брать легко, да платить тяжело*).

Мы обнаружили частичное пересечение со склонностью к созиданию (мастерству) в части установок, призывающих к рассудительному ведению хозяйства, рачительности (*Не о томъ рѣчь, что много въ печь, а о томъ, куда изъ печи идетъ*). Также к этой предрасположенности относится императив самоуважения и достоинства опоры на свои ресурсы, в жизни по средствам (*Лучше свое поберечь, чѣмъ чужое прожить; По приходу не стыдно расходъ держать*), подчёркнутой несовместимости практики заимствования с личным достоинством (*Заниматься (т.е., брать въ займы) — что побираться*) и с разумным управлением расходами (*Чужія денежки свои поѣдаютъ*), использования вещей по непосредственному назначению вместо ориентации на производимое впечатление (*Не въяный хлѣбъ не голодъ, а посконная рубаха не нагота*). Прибавив к соображению о благоразумном хозяйствовании представление о добросовестном труде как источнике достойного заработка, с которым тоже ассоциируется вебленовская склонность к мастерству, к этому разделу мы относим также установки о том, что давать в долг подчас неосмотрительно и неумно (*Отдать вещь въ ученье (заложить)*), поскольку возвращать одолженное не просто трудоѣмко и накладно (*Въ долгъ давать — подъ гору метать: долги собирать — въ гору таскать*), но зачастую невозможно (*Старый долгъ за находку*).

Установки, раскрывающие негативные коннотации щегольства не по карману, напускного аристократизма и манерности, мы отнесли к себялюбию ввиду их очевидной связи с завистью и жадностью, показным мотивом, самодовольством (*Пологъ браный, да весь драный; Пусть карманъ, да синь кафтанъ (щеголь); Шапочка въ двѣ денежки — и то набекрень*). С этой же склонностью соотносится неприятие корыстолюбия в виде ростовщичества (*Ссуженаго не посужати (древняя)*), а также подчёркнутый в русских пословицах и поговорках концепт долговой зависимости, из которой трудно выкарабкаться (*Въ долгу — что въ моргъ: ни дна, ни береговъ*). Упомянутые зависть, жадность,

стремление жить «не хуже людей», отсутствие самоограничений могут, в числе других причин, ухудшить финансовое положение и затянуть в нищету.

4.2 Соотнесение вебленовских «предрасположенностей» с русскими изречениями

Категории, использованные для группировки русских пословиц в этом разделе, взяты из **Табл.2**. Каждой из вебленовских поведенческих «предрасположенностей» соответствует от одной до шести аналитических категорий, по которым организован пословичный материал.

4.2.1 Родительство (n=135³)

- **Забота о благосостоянии сыновнего поколения**
Долгъ первый наслѣдникъ. Долгъ не ждетъ завѣщанія.
И сыну отдай, и себѣ на смерть оставляй!
- **Предусмотрительность, умеренность, забота о завтрашнем дне**
Бережь — половина спасеня. Бережь спорѣ барышей.
Запасливый лучше богатаго. Запасливый нужды не терпитъ (не знаетъ).

4.2.2 Любознательность, стремление к овладению полезным знанием (n=41)

- **Ценность полезного знания, умения, навыка**
Мастерства (ремесла) за плечами не носятъ, а съ нимъ добро.
Не просить ремесло хлѣба, а само кормить.

4.2.3 Созидательность, производительный труд, развитие мастерства в профессии, ремесленничество (n=291)

- **Трудолюбие, честный труд, достижение мастерства**
Гдѣ работно, тамъ и густо, а въ лѣнивомъ дому пусто.
Не то дорого, что краснаго золота, а дорого, что добраго мастерства.
- **Рассудительность, рачительность в ведении хозяйства**
Всякій домъ хозяиномъ держится.
Горе тому, кто непорядкомъ живетъ въ дому.
Денегъ много — мельницу строй; хлѣба много — свиней заводи!
Деньга про бѣлый день, деньга про красный день, да деньга про черный день.
Домъ вести — не лапти плести.
На свѣчу Богу, на рукавицы, на соль, на деготь, на ковъ, па приваръ, на штофъ вина (крестьянскіе денежные расходы).
Не нарядь жену красить, домостройство.
Не хозяинъ, кто своего хозяйства не знаетъ.

4.2.4 Себялюбие (n=468)

- **Беспечность в тратах, недалёковидность, жизнь не по средствам («опережающее потребление»),**

---

³ Здесь и далее в скобках — количество найденных изречений на данную тему.

если использовать более современную терминологию)

Въ рукахъ было, да по пальцамъ сплыло.

Рубль наживаетъ, а два проживаетъ.

Чѣмъ живешь? Долгами (приб.: а что ѣшь? Щи съ пирогами).

Шире себя (не смѣтя себя) жить, не добра нажить.

- Стяжательство, скарденность; алчность, жажда наживы, корыстолюбие

Въ гробъ смотреть, а деньги копить.

Копиль, копиль, да чорта и купиль.

- Самодовольство, эгоцентричность

Буду богатъ, буду рогать: кого захочу, того и сбоду.

Для чего намъ умъ, были бѣ деньги да спесь.

- Хищнический мотив

Что къ нему въ когти попало, то пропало.

Чужой бѣдой сытъ не будешь. Чужая обида (бѣда, нагота) не расжива.

- Зависть и жадность

Сосѣдь спать не даетъ: хорошо живеть.

Чему позавидуешь, тому поработаешь.

- Показной мотив

Дуракъ деньги напоказъ носить.

Чубарики чокъ-чокъ — а изба не крыта.

4.2.5 Изречения, смысл которых не совпадает с этикой Веблена (n=36)

Особый интерес представляют изречения, чья буква или дух, на первый взгляд, не совпадают с позицией Веблена. Создаётся впечатление, что некоторые пословицы и поговорки оправдывают или изображают в выгодном свете поведенческие схемы, связанные с недобродетельными, недостойными качествами, и скрашивают их последствия, например:

Будеть путь — да долго ждать; а къ осени беречь — волкъ бы не съѣлъ.

Всѣхъ дѣлъ не передѣлаешь. Нашей работы не переработаешь.

Дѣло не голуби, не разлетятся. Дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ.

Дѣло не малина, въ лѣто не опадеть.

Какъ ни мечи — а лучше на печи. Отъ бездѣлья и то рукодѣлье.

Кто долго спитъ, тому Богъ проститъ.

Межь сохи да бороны не укроешься (т.е., одной пашней не проживешь).

Отъ крестьянской работы не будешь богатъ, а будешь горбать.

Подать оплачена, хлѣбъ есть, и лежи на печи.

Хоть съ себя что заложить, а масляну честно проводить.

Ѣшь больше, проживешь дольше. Ёшь больше, богатыремъ будешь.

Доля таких пословиц в выборке составила около 4%. Это даёт основание говорить о *преобладании* в русском народном дискурсе изучаемого периода поведенческих принципов, ассоциируемых с

правилами целесообразного экономического поведения: поучительными призывами к сдержанности бережливости, рачительности и благоразумию, практическому хозяйствованию, оцениваемых, через призму антиномий Веблена, как способствующие экономическому и культурному развитию. Многие пословицы и поговорки по форме могут быть расценены как поощрение лени, безделья, безответственности и беспечности в тратах, особенно в отрыве от контекста их употребления:

Въ рогожу одѣться, отъ людей отречься.
Въ Русскомъ брюхѣ и долото сгнѣть.
Запасъ закромы ломить, а пусто — легче.
Живи, ни о чемъ не тужи; все проживешь — авось еще наживешь.
Коли бѣ не ѣда, да не одежда — такъ мы бѣ и опузырились лежа.
Крестьянское горло — суконное бердо: все мнетъ.
Много сыпать — задохнется въ закромахъ, а порожнія лучше продуваетъ.
Права душа — не беретъ барыша (прибав.: а денежку таскомъ тащить).

Отмечаются и такие сюжеты, как бедность, неудачливость, непутѣвость, неряшливость:

Только то и есть въ сусѣкѣ, что мыши нагадили.
Хозяйка, изъ села Помелова, изъ деревни Вѣниковой: пирожокъ испечь, и корова не ѣсть; да поставить (растворить) три, посадить (въ печь) два, а вынетъ одинъ.

В пословицах довольно обширно отражены специфически-русские институты «авось», «небось» и т.п., которые принято отождествлять с фатализмом, пассивностью и личной безответственностью:

Русскій крѣпокъ на трехъ сваяхъ: авось, небось, да какъ нибудь.
Авось да небось — хоть вовсе брось.
Авось и рыбака толкаетъ подъ бока.
На авось мужикъ и хлѣбъ съѣтъ.

По формальным признакам можно было бы сказать, что подобные изречения противоречат деятельной и ответственной жизненной позиции, предполагаемой «продуктивными» установками Веблена. Но это поспешный вывод. Смысл подобных изречений раскрывается не сразу, и их подтекст нередко совсем другой, чем кажется. Хотя пословица признаёт существование и повсеместность некой практики, однако, в сущности, данная практика не одобряется, и в саркастической либо ироничной форме подчёркивается важность следования противоположным ценностям и принципам. Так, народ с горечью признавал распространённость институтов «авось» и «небось», но при этом понимал, что они непродуктивны, и вовсе не гордился и не бравировал ими:

Авосевы города не горожены, Авоськины дѣтки не рожены.
Авоська веревку вѣтъ, Небоська петлю закидываетъ.
Авоська воръ, обманетъ. Авоська почасту обманывается.
На авось не надѣйся. Авосю не вовсе вѣрь.

Таким образом, противоречие вебленовской этике может в ряде случаев оказаться и мнимым.

5 Обсуждение результатов

Изученные элементы народного дискурса, бытовавшего в России, по меньшей мере, до середины XIX века, на удивление созвучны этическим представлениям Веблена, если говорить о знаке оценки различных явлений, при том, что речь идёт о совершенно разных культурах. Поощряются принципы хозяйствования и трудовой деятельности, соответствующие предрасположенности к родительству, грамотное приложение знаний и созидательность видятся в положительном свете. Относящиеся к ним установки ориентируют на долговременную финансовую устойчивость, предотвращение пустой траты ресурсов, освобождение потомства от долгов. Прослеживается лейтмотив анти-потребительства и анти-стяжательства, приоритета будущего благосостояния перед текущим, сиюминутным потреблением, ценности производительного труда, практического знания, развития ремесленных навыков. Понимание связи между приложением трудовых усилий и достижением результата переплетено с принципами самообеспечения и самоограничения в потреблении и тратах, причём независимо от располагаемого денежного состояния. В перечисленных принципах видится основа будущего достатка. Отдельного внимания заслуживают пословицы о жизни не по средствам и в долг. Хоть Веблен и не говорил о кредитовании домохозяйств как таковом, описанная им культура соревновательности в потреблении, причём независимо от уровня достатка и принадлежности к тому или иному классу общества [Veblen, 1922, p.85], отсылает напрямую к теме жизни не по достатку, или опережающего потребления. В данном контексте мы находим пересечение поведенческих принципов из трёх областей. Поощряется родительство — в части стремления не перекладывать долги на будущее поколение и не потакать сиюминутным прихотям, предостережения от ситуаций попадания в долговую зависимость — и мастерство — в плане максимы оценки предметов потребления по их непосредственному назначению, рассудительности в ведении хозяйства. Осуждается стремление жить на широкую ногу, которое, в том числе, может приводить к заимствованию.

Напротив, порицаются и высмеиваются эгоистичные мотивы, согласующиеся с себялюбием. Это поведенческие установки, которые для Веблена характеризуют так называемое церемониальное поведение: привычка засматриваться на чужое, принадлежащее другим; жадность, стремление потреблять больше доступного и расходовать сверх необходимого; траты напоказ, мотив создания внешнего впечатления; транжирство, мотовство, нетерпеливость, торопливость в потреблении и тратах; беспечность, праздность; заимствование, невозврат займа в срок, попадание в долговую зависимость; корыстолюбие, стяжательство. Опережающее потребление, т.е. жизнь не по средствам, не одобряется, поскольку препятствует будущему достатку и сопровождается фактически финансовой зависимостью. Порицается одержимость личным обогащением. Здесь явственно ощущается влияние этики православного христианства, а в некоторых пословицах аллюзии вполне конкретные, вплоть до парафразы евангельских изречений.

Мы не ставили перед собой задачу похвалить или осудить хозяйственную этику русских людей, а лишь проиллюстрировали один тезис методологического характера: концепцию Веблена можно применить к изучению экономической культуры совсем другого народа. Интерпретативный анализ позволяет ассоциировать выявленные характеристики традиционной русской экономической культуры с продуктивными принципами, ориентирующими на финансовую устойчивость в долговременной перспективе, поощряющими опору свои силы и средства, и в то же время предохраняющими от бедности и уводящими от своекорыстия, недальновидного расточительства и прожигания жизни, несправедливого заработка, стремления к сиюминутной выгоде вне связи с последствиями для будущего.

Народный дискурс отразил адекватное понимание тех явлений, которые со временем вошли в социологическую и экономическую теории: социально конструируемой природы потребностей (влияния социального окружения на приоритеты в потреблении), опережающего потребления (когда приобретение вещи пока не обеспечено трудовым усилием), показного потребления, расточительства, денежного соперничества, долговой зависимости и сопутствующей ей финансовой хрупкости домохозяйства.

Что касается изречений, которые по своему смыслу не совпадают с оценками Веблена, то их насчитывается чуть менее 4% выборки, что указывает на достаточную укоренённость поведенческих принципов, которые характеризуются как продуктивные.

Могут возразить, что выявленные нами в русском фольклоре оценки и поведенческие установки были разумны и обоснованы для экономики XIX века, преимущественно аграрной и экстенсивной, а последующие этапы экономического развития потребовали пересмотра мотивационных, ценностных ориентиров и смены модели поведения, и поэтому то, что тогда считалось правильным, сегодня уже не так. В известном смысле это, к сожалению, правда: традиционные ценности были в России размыты, маргинализированы и замещены другими. В результате активных усилий заинтересованных в этом социальных групп распространилась и стала приемлемой фетишизация материальных благ, показная трата денег и опережающее потребление. По существу, произошло насаждение вебленовских «церемониальных» ценностей. Если до 1990-х годов вообще не было банковского потребительского кредитования, то затем оно стремительно развилось, стимулируя и так возведённое в религию потребительство, гедонизм и привычку жить в долг и за чужой счёт. Случилось то, от чего предостерегал Веблен: опривычивание поведения, мотивированного своекорыстием и стяжательством. Непродуктивные практики превратились в социальную норму, институционализировались.

Императив роста производства и сбыта продукта, бесконечной «модернизации» и «инноваций» задвинул традиционные ценности на задний план. Такие качества, как дальновидность, рачительность, умеренность, анти-потребительство, трудолюбие и производительный труд, привычка не

засматриваться на чужое, перестали считаться актуальными и содействующими здоровому финансовому положению. Даже теоретическая психология встала на защиту общества потребления, отстаивая право индивида жить в моменте, для себя и вообще позволять себе больше, тем самым уменьшая стресс. К слову, в том числе и стресс, связанный с родительскими обязанностями. А ведь, если верить Веблену, предрасположенность к родителству и есть анти-стяжательство.

Укоренённые традиционные ценности (а также верования и убеждения) отражали устои и опоры, предотвращающие размывание институционального порядка и деградацию сообщества. Прежде чем наклеить такой ярлык, как «церемониальная ценность», нужно оценить роль изучаемой институции или института в жизни того или иного сообщества с учётом конкретных временных рамок, социально-экономических и природно-географических условий. Исследования в такой парадигме, например, проводила Элино́р Остром.

В постсоветский период стало интеллектуальной модой высмеивать традиционные ценности и глумиться над ними, выдавать их за что-то эфемерное и мифическое, мешающее «прогрессу» и «инновациям». На уровне теории традиционное было (иногда со ссылкой на Веблена, хотя правильнее было бы на Эйрса) уравнено с архаичным, отжившим и ретроградным, требующим радикальной модернизации. Произшедшая подмена в понимании производительных и церемониальных поведенческих установок была отразила новую парадигму: идеи Веблена и других исходных институционалистов о пользе тех или иных потребительских практик для *всего* общества оказались вытеснены максимой индивидуальной, субъективно оцениваемой полезности. Вполне объяснима непопулярность русских пословиц и поговорок в сегодняшнем дискурсе, ведь содержащиеся в них послы не просто «неактуальны», а противоположны насаждаемому потребительству, гедонизму и эгоизму. Ради душевного комфорта их проще забыть.

Вырванные из контекста пословицы могут становиться инструментом для доказательства некоего своего, априорного тезиса, и тогда содержащийся в изречениях посыл оказывается в определённой степени искажён. Например, среди советско-российской интеллигенции стало популярно упрекать абстрактного «русского человека» в расхлябанности и безответственности, указывая на известный «авось» как «санкционирующий» русскую непредусмотрительность» и даже «неосмотрительность» [Прохоров, Стернин, 2006, с.52–53, с.61]. В том же источнике утверждается, что «в русском сознании действует принцип «работа не главное», что отражает нелюбовь к напряженному систематическому труду, восприятие работы как не главного источника благосостояния, материального благополучия» [с.65]. Попутно замалчиваются другие изречения на ту же тему, опровергающие предложенный тезис (а их на порядок больше). В восприятии русских людей присутствие надежды не обесценивало усердия и не отменяло необходимость трудовых усилий:

Богу молись, а вь дѣлахъ не плошись!

Не спрашивай урожая, а паши да молись Богу.

Итак, наш анализ показал, что пословицы, на поверхности признающие определённые «непродуктивные» или себялюбивые качества, в дискурсе встречаются, однако численно уступают тем, которые призывают не поддаваться этому. К тому же и их нельзя принимать «за чистую монету», ведь подтекст может нести противоположный знак оценки. Непредвзятый анализ заложенных в русском фольклоре смыслов указывает на их непреходящую актуальность, в частности, в свете недавно возникших идей «устойчивого развития», через которые прививается бережливое отношение к ресурсам, осознание необходимости ухода от чрезмерного потребления, хищнической эксплуатации природы. Некоторая архаичность формы не должна этому мешать.

6 Заключение

Мы попытались разобраться в исходных смыслах научной концепции, получившей известность как дихотомия Торстейна Веблена (либо Веблена–Эйрса), и применить её в прикладном институциональном исследовании. Антиномии, описывающие разные типы поведения и лежащих в его основе побуждений, использовались Вебленом для характеристики различий в институциональном устройстве обществ. К нашему сожалению, в трудах последователей «дихотомия Веблена», которую уместнее было бы назвать «дихотомия Эйрса», свелась к подчёркнутому дистанцированию между институцией и технологией, а сами институции — в частности, передаваемые народным фольклором традиционные ценности — были объявлены носителем всего «непрогрессивного». Мы стремились восстановить исходный смысл логических построений Веблена на тему продуктивных и непродуктивных (церемониальных) поведенческих установок, заявляя о сохраняющейся актуальности «исходного» институционального подхода.

Взяв за теоретико-методологическую основу рассуждения Веблена о предрасположенности к родительству, созидательному труду (мастерству), приобретению полезного знания и к себялюбию, мы проанализировали элементы традиционной русской экономической культуры. Были изучены 935 русских пословиц и поговорок на предмет транслируемых ими принципов личного хозяйствования и трудовой деятельности. Выявленные поведенческие установки сопоставлены со смысловыми категориями из концепции Веблена. Мы нашли, что характеристики традиционной русской экономической культуры ассоциируются, скорее, с продуктивными поведенческими установками, в основе которых — предрасположенность к родительству, стремление к овладению полезным знанием, созидательному труду и развитию мастерства в своём деле. Согласующиеся с ними поведенческие принципы направляют к финансовой устойчивости в долговременной перспективе, в то же время предостерегая от бедности и уводя от корыстолюбия, пустых трат, показных мотивов, призывают к рассудительности, сдержанности в потреблении и управлении хозяйством. А непроизводительные

установки, ассоциируемые с себялюбивыми мотивами, в народном дискурсе порицаются и высмеиваются.

Наши результаты показывают, что в процентном отношении пословиц, предостерегающих от непродуктивного поведения, не просто больше, а на два порядка больше, чем количество противоположных по смыслу, т.е. оправдывающих, выражающих снисходительное отношение или утверждающих правоту церемониального поведения.

Новизна нашей работы состоит в применении концепции Веблена для дискурсивного анализа нормативных элементов русской традиционной экономической культуры. Мы выявили, что знак народной оценки целого ряда проявлений экономического и финансового поведения совпадает с этическими оценками Веблена. Заложенные в русском фольклоре смыслы вполне созвучны современным идеям «устойчивого развития». Поэтому статья призывает к непредвзятому анализу институций и институтов, нестандартных для «западного» общества, в данном случае — институций, носителем которых было коренное население России.

Литература

Веблен Т. (2022). Экономическая теория дамского платья. *Экономическая социология* **23** (5), 37–44. DOI: [10.17323/1726-3247-2022-5-37-44](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-5-37-44)

Верников А.В., Курышева А.А. (2021). Показное потребление в долг: на примере легковых автомобилей. *Экономическая социология* **22** (5), 11–38. DOI: [10.17323/1726-3247-2021-5-11-39](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-5-11-39)

Верников А.В., Курышева А.А. (2022). Жизнь в займы: институциональные аспекты и их измерение. *Вопросы экономики* (10), 138–156. DOI: [10.32609/0042-8736-2022-10-138-156](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-10-138-156)

Верников А.В., Курышева А.А. (2023). Отношение к жизни не по средствам в русских пословицах и поговорках. *Экономическая социология* **24** (3), 33–57. EDN: [OGZSGU](https://www.ogzsgu.ru)

Вольчик В.В. (2007). Край упущенных возможностей: институциональная история Донского аграрного и торгового предпринимательства. *Историко-экономические исследования* **8** (3), 85–103.

Вольчик В.В. (2008). Эволюция институтов постиндустриальной экономики в контексте дихотомии Веблена. *Экономический вестник Ростовского государственного университета* **6** (2), 53–65.

Вольчик В.В., Маслюкова Е.В., Демахина О.В., Барунова А.А. (2023). Технологические и институциональные изменения в контексте дихотомии Веблена. *Journal of Economic Regulation* **14** (1), 34–48. DOI: [10.17835/2078-5429.2023.14.1.034-048](https://doi.org/10.17835/2078-5429.2023.14.1.034-048)

Даль В.И. (1862). *Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч.* М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете.

Даль В.И. (1863). *Толковый словарь живого великорусского языка. Часть первая. А.-З.* / Соч. В.И. Даля. Ч.1-4. М.: Издательство общества любителей российской словесности, учреждённого при Императорском московском университете. Типография А. Семена.

Даль В.И. (1881). *Толковый словарь живого великорусского языка. Часть вторая. И.-З.* / Соч. В.И. Даля. Ч.1-4. СПб, М.: Издательство общества любителей российской словесности, учреждённого при Императорском московском университете. Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа.

- Латова Н.В. (2022). Социокультурные ценности российских горожан: модернизация vs традиционность. *Terra Oeconomica* **20** (4), 99–114. DOI: [10.18522/2073-6606-2022-20-4-99-114](https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-4-99-114)
- Майминас Е.З. (2016). Социально-экономический генотип общества (1989). *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика* (4), 186–204.
- Моисеева И.Ю., Чудина Е.В. (2004). Прагматические функции пословиц и поговорок. *Вестник Оренбургского государственного университета* (11), 170–172.
- Оганесян А.А., Шафиров Л.А. (2013). Рационализация потребительского кредитования в интересах местного экономического развития сквозь призму институциональной экономической теории. *Terra Oeconomica* **11** (4.3), 27–42. DOI: [10.24412/2073-6606-2013-4-3-27-42](https://doi.org/10.24412/2073-6606-2013-4-3-27-42)
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. (2006). *Русские: коммуникативное поведение*. М.: Флинта: Наука.
- Ayres, C. (1935). The Gospel of Technology. In: *American Philosophy Today and Tomorrow*, edited by Horace M. Kallen and Sidney Hook, 25–44. New York: Lee Furman.
- Ayres, C. (2021). *The Theory of Economic Progress. A Study of the Fundamentals of Economic Development and Cultural Change*. Association for Evolutionary Economics.
- Berger, P., Luckman, T. (1991). *The Social Construction of Reality*. London: Penguin Books.
- Bush, P. (1983). An exploration of the structural characteristics of a Veblen-Ayres-Foster defined institutional domain. *Journal of Economic Issues* **17** (1), 35–66.
- Bush, P. (1987). The theory of institutional change. *Journal of Economic Issues* **21** (3), 1075–1116.
- Gruchy, A. (1947). *Modern Economic Thought. The American Contribution*. New York: Prentice-Hall, Inc.
- Jennings, A., Waller, W. (1994). Evolutionary economics and cultural hermeneutics: Veblen, cultural relativism, and blind drift. *Journal of Economic Issues* **28** (4), 997–1030.
- Maslov, A., Volchik, V. (2014). Institutions and lagging development: The case of the Don Army Region. *Journal of Economic Issues* **48** (3), 727–742.
- Powell, J. (2023). The instrumentality of ceremonial habits of thought. *Journal of Economic Issues* **57** (2), 423–431.
- Veblen, T. (1904). *The Theory of Business Enterprise*. New York: Charles Scribner's Sons.
- Veblen, T. (1918). *The Instinct of Workmanship*. N.Y.: B.W. Huebsch.
- Veblen, T. (2000). The economic theory of women's dress. In: Smith, S., Dawson, M. (eds.) *The American 1890s: A Cultural Reader*. Durham; London: Duke University Press, pp.66–74.
- Veblen, T. (1922). *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. N.Y.: B.W. Huebsch.
- Veblen, T. (1961). The place of science in modern civilisation. In: *The Place of Science in Modern Civilisation and Other Essays by Thorstein Veblen*. N.Y.: Russel & Russel, pp.1–31.
- Waller, W. (2022). Institutions, technology, and instrumental value: A reassessment of the Veblenian dichotomy. In: Whalen, Ch. (ed.) *Institutional Economics. Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World*. Routledge, pp.19–48.